

УРІСТОС ВОСІПРЄСІ!

№ 4(174)
апрель

2011

В. Маковский «Молебен на Пасху»

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЕСТНИК

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Барнаульского и Алтайского МАКСИМА
пастырям, монашествующим и всем чадам
Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви
Московского Патриархата

Розлюбленные о Господе досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, боголюбивые миряне!

Приветствую вас великими апостольскими и спасительными словами:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Удивительная пасхальная радость озаряет ныне весь мир видимый и невидимый. Солнце правды Христос Воскресший воссиял миру. Он созывает нас на торжество из торжеств. Много ли, мало ли мы потрудились духовно, всех зовет Господь войти в радость Его.

Воскресение Христово явило собой главное событие в человеческой истории, в этом празднике олицетворение конечной цели человеческого бытия. Здесь подлинный и единственно верный ориентир в духовных исканиях человека, живущего в современном мятущемся и суетливом мире. Как говорил святитель Григорий Богослов: «Ныне спасение миру — миру видимому и невидимому. Христос восстал из мертвых; восстаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей, — восходите и вы; Христос из гроба, — освободитесь из уз греха; отверзаются врата ада, истребуется смерть, отлагается ветхий Адам».

Сегодня под сводами храмов звучит умирительная песнь: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Небо и земля соединяются в торжественном ликовании, ибо «от смерти к жизни и от земли на Небо Христос Бог нас привел...»

В «чистоте и истине» апостол Павел призывает нас совершать Святую Пасху. Подлинная пасхальная радость — удел тех, кто вместе с благоразумным разбойником повторяет: «Помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое» (Лк. 23,42).

Такие люди в день Пасхи сердцем чувствуют и слышат благодатный ответ воскресшего Господа: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23,43). Подлинная радость охватывает все наше существо, если мы подготовили себя к празднику Пасхи, приняв святые таинства Покаяния и Божественного Причащения, соединяясь со Христом в Его страданиях и воскресении. «Ибо если мы соединены с ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения... Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним» (Рим. 6,5,8).

Слово «пасха» означает прохождение, переход. Для нас, христиан, Пасха Господня означает особенный переход «...от смерти бо к жизни и от земли к небеси». Так воспевает Святая Православная Церковь это великое чудо. «Как одно мгновение изменяет лице мира!» — восклицает святитель Филарет Московский.

Православные христиане, верующие во Христа Спасителя, ныне пришли в храмы и торжествуют Воскресение Господне своим сердцем, верою и любовью. Большая радость для верующего сердца видеть около себя в торжестве и молитве людей,

чад нашей Церкви, детей Божиих, устремленных своими сердцами и всем своим существом к нашему Богу, Крепкому, Живому, дарующему всем нам Свет, Разум и саму жизнь: жизнь временную — земную и жизнь вечную — небесную.

Будем славить Воскресшего Господа не только устами, но

и нашими делами, нашей жизнью. Только тогда Пасха для нас будет очистительной и спасительной, когда истина Воскресения Христова станет нашей истиной, основанием нашей веры, содержанием нашей жизни. Тогда и радость наша будет полной радостью, о которой евангелист Иоанн Богослов говорит: «Радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16,22).

В нашей епархии милостью Божией, несмотря на, казалось бы, трудные времена, продолжают строиться и воссоздаваться храмы, укрепляется приходская жизнь, и, что особо отрадно, все больше и больше детей мы видим на богослужениях. Трудно в немногих словах перечислить все то доброе, что делалось и продолжает делаться во славу Божию усердием наших прихожан, предпринимателей, представителей администрации Алтайского края, Республики Алтай, городских и сельских муниципалитетов. Это — благословенная жертва, это наше общее, как говорили в старину, соборное делание во славу Божию, это наш вклад во спасение собственной души и возрождение России.

Приветствуя ныне друг друга и радуясь со всей церковной полнотой этому чуду, еще с большим рвением проникнемся духовной радостью, будем стремиться ко всему прекрасному и вечному, не омраченному бессмыслицей и смертью. Мы молимся: да просветит нас свет Христова Воскресения, и да даст нам Бог мир, чистоту и святость, которые явятся залогом нашего всеобщего во Христе воскресения. Пусть святая радость Пасхи Христовой и Его светлого Воскресения озаряет все дни нашей жизни, неся утешение скорбящим, даруя силы немощным, наставляя на путь истины заблудших и всех укрепляя на многотрудном пути вечного Спасения!

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

+ Максим

Епископ Барнаульский и Алтайский
Ректор Барнаульской Духовной Семинарии
Пасха Христова 2011 г. град Барнаул

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Святитель Лев Великий (V век)

Слово на Пасху

Поскольку через сорокадневное воздержание мы пожелали достигнуть того, чтобы хоть в какой-то мере во время страдания Господа ощутить Его крест, мы должны стремиться, чтобы оказаться также участниками и воскресения Христова и, еще находясь в этом теле, перейти от смерти к жизни. Ведь для каждого человека, который меняется и становится из одного другим, конец — не быть тем, кем он был, и начало — быть тем, кем он не был. Но важно, для кого человек умрет и для кого будет жить, ведь есть смерть, ведущая к жизни, и есть жизнь, ведущая к смерти. И не где-то, а в этом преходящем веке можно обрести и то, и другое; и от того, как мы поступаем во времени, зависит различие вечных воздаяний. Итак, нужно умереть для диавола, а жить для Бога; нужно устраниваться от несправедливости, чтобы восстать для правды. Пусть падет ветхое, чтобы появилось новое. И поскольку, как говорит Истина, никтоже может двема господином работать, да будет не тот господином, кто подтолкнул стоящих к падению, но Тот, Кто воздвиг повергнутых для славы.

Пусть не занимает нас призрачность временного, и земное пусть не потвлкает к себе наше зрение от небесного. Пусть принимается за ушедшее то, чего по большей части уже нет; и ум, внимательный к тому, что останется, пусть направляет свое стремление туда, где видимое им является вечным. Ведь хотя мы спасемся надеждой и носим еще тленную и смертную плоть, однако правильно сказано о нас, что мы не находимся в плоти, если в нас не властвуют плотские страсти; и заслуженно мы перестаем именоваться плотью, если ее пожеланиям мы не следуем. Итак, хотя Апостол говорит: Плоти угодия не творите в похотях, мы понимаем, что нам не запрещено то, что необходимо для нашего здоровья и чего требует

человеческая слабость. Но, так как не всем пожеланиям должно служить и не все вождедения плоти надо исполнять, нам следует понять, что Он призвал нас усвоить необходимую меру воздержания, чтобы плоти, находящейся под властью души, мы и не уступали в чрезмерном, и не отказывали в необходимом. Потому тот же Апостол в другом месте сказал: Никто же бо когда плоть свою возненавидел, но питает и греет ю. Без всяких сомнений, не для пороков и роскоши, а для должного служения нужно ее кормить и греть: чтобы обновленная природа сохраняла свой чин, и низшее дурно и постыдно не господствовало над высшим, и высшее не подчинялось бы низшему; и через пороки, побеждающие душу, не установилось бы рабство там, где должно быть господство.

Народ Божий должен осознать, что он является новой тварью во Христе, и бодрствуя понять, Кем новая тварь воспринята и Кого она воспримет. Обновившееся да не возвращается к шаткой ветхости; да не оставляет своего дела взявшийся рукою за плуг, но да простирается к сеемому и не взирает на оставленное. Никто да не впадает снова в то, откуда восстал, но хотя бы из-за плотской слабости донныне лежал в некоторых болезнях, пусть проявит твердую решимость исцелиться и подняться. Ведь таков путь спасения, и таково подражание воскресению, совершенному Христом, чтобы, так как на скользком пути этой жизни различные ошибки и падения не прекращаются, следы шествующих перенеслись от зыбкой почвы на твердую, ибо в Писании сказано: От Господа стопы человеку исправляются, и путь его восхощет. Егда падет праведник, не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С БОГОМ

Блаженнейший Владимир
митрополит Киевский
и всея Украины

Я держал
солнце
в руках

Трудно сказать, когда самая первая встреча с Богом состоялась, потому что я родился и вырос в семье верующих. И такого перехода резкого, что ничего не знал о Боге и Церкви, а потом вдруг узнал, — не было. Все шло естественным путем, хоть и с большими трудностями, потому что путь к Богу для каждого человека неповторимо личный. И каждый из нас идет этим путем, потому что Христос объявил, что Он — Путь, и Истина, и Жизнь.

Вспоминаю, был очень голодный 1947 год. На второй день Пасхи я проснулся, ярко солнце светило... Мама не хотела меня будить и пошла сама в церковь, а я остался. И приходит старушка — жила на нашей улице, попрошайничала. Верующая, но какая-то судьба у нее особенная была — две дочери, и те болели и нигде не работали. Скривилась, что мне нечего было ей подать: второй день Пасхи, и ничего решительно нет. А мама испекла впервые за долгое время пасхальный хлеб. То пекли паску — само собой — сдобную, сладкую, а это пасхальный хлеб такой.

Лежали два этих хлеба на противне, и я ей вынес один целый хлеб. Она очень обрадовалась. Стала говорить: «Я что-то вижу... солнце яркое такое. Не могу выразить словами, что это. Выглядит будто огненный шар...» Я не видел, но она меня уверяла, что видит. Потом поцеловала этот хлеб, а я собрался и побежал в церковь. Богослужение еще шло. Я говорю маме, что отдал хлеб. Мама: «Как, весь?» — Говорю: «Нет, один». — «Кому?» — «С нашей улицы, нищенке Иулиании. Она что-то видела, что я держал солнце в руках». — «Ну ты наговоришь! Приснилось тебе...»

Я под впечатлением был несколько дней. И как раз тогда в Евангелии встретил слова: «Блаженнее давать, нежели принимать».

Часто вспоминал и помню всю жизнь этот случай и этот текст евангельский, который мне тогда встретился.

Православие в Украине

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА – ПРЕДМЕТ ПРЕРЕКАНИЙ

О Плащанице Иисуса Христа нам повествуют все четыре канонических Евангелия. Так, в Евангелии от Марка мы читаем: Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия. Он осмелился войти к Пилату и просил Тела Иисуса... Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба. Как это ни удивительно, но мы имеем веские основания полагать, что эта Плащаница, в которой Иосиф и Никодим погребли тело Христа, сохранилась до наших дней.

В основу данной публикации положена последняя прижизненная публикация о. Глеба Каледы, в которой он подвел итог своих многолетних изысканий на эту тему. Сегодня можно утверждать, что точка зрения ученого и священника Глеба Каледы на Туринскую Плащаницу за прошедшее время стала основополагающей в этом вопросе.

*«Се, лежит Сейна падение
и восстание многих в Израилеи
в знамение пререкаемое»
(Лк 2,34)*

Речение нескольких веков в соборе итальянского города Турина хранится большое полотно длиной 4,3 м, шириною 1,1 м. На его желтовато-белом фоне выступают расплывчатые пятна коричневых тонов — издали в расположении этих пятен вырисовываются неясные очертания человеческой фигуры и мужского лица с бородой и с длинными волосами. Предание гласит, что это Плащаница Самого Иисуса Христа.

Для западноевропейского обывателя второй половины XIV в. она появилась «неизвестно откуда» в местечке Лирей под Парижем, в имении графа Жоффруа де Шарни. Смерть графа скрыла тайну ее появления во Франции. Хотя в разных городах показывались подложные плащаницы, но только эта воспринималась массовым народным сознанием как истинная. Она трижды горела и чудом сохранилась. Чтобы отчистить от копоти и убедиться в ее ненарисованности, ее несколько раз варили в масле, стирали, — изображение оставалось.

История Плащаницы сложна и богата событиями. Важнейшие из них для верующих — погребение и воскресение Христа, а для всех — явление ее безбожному миру на пороге XX в.

В 1898 г. в Париже проходила

международная выставка религиозного искусства. На нее привезли и Плащаницу из Турина, представив ее как плохо сохранившееся творение древних христианских художников. Плащаницу повесили высоко над аркой, а перед закрытием выставки решили сфотографировать. 28 мая археолог и фотограф-любитель Секондо Пиа сделал два снимка. Один негатив оказался испорченным, а другой, размером 60х50 см, вечером того же дня он опустил в проявитель и оцепенел: на темном фоне негатива выявлялся позитивный фотографический портрет Христа Спасителя — Лик с неземным выражением красоты и благородства. Всю ночь просидел Секондо Пиа в благоговейном созерцании, не отрывая глаз от портрета так неожиданно представшего у него в доме Христа Спасителя. В ту памятную ночь он отчетливо понял, что Плащаница нерукотворна, что ни один художник древности, не имея никаких представлений о негативе, не мог бы ее нарисовать, сделав по существу почти невидимый негатив.

«Святая Плащаница Христова, — размышлял он, — сама каким-то невообразимым образом представляет собою фотографически точный негатив; да еще с огромным духовным содержанием! Этой Святой Плащанице, этому удивительному в человеческий рост негативу гораздо больше тысячи лет. А ведь нашей-то новоизобретенной фотографии всего лишь 69 лет!..

Тут, в этих коричневых отпечатках из Гроба Господня, кроется необъяснимое чудо».

Позже Туринскую плащаницу многократно снимали в различных лучах спектра от рентгеновского до инфракрасного излучения. Изучением ее занимались криминалисты, судебно-медицинские эксперты, врачи, искусствоведы, историки, химики, физики, ботаники, палеоботаники, нумизматы. Созывались международные синдонологические конгрессы (от слова *sinđone*, что значит плащаница).

Всеобщим для ученых разных взглядов и национальностей стало убеждение, что Туринская плащаница нерукотворна, не является произведением художника и несет на себе признаки глубокой древности. Кроме того, Плащаница отражает такие анатомические детали человеческого тела, которые не были известны средневековым мастерам. Наконец, на Туринской плащанице нет следов красок, связанных с изображением. Только в одном месте с краю она была слегка испачкана краской, может быть, тогда, когда Дюрер писал с нее копию в 1516 г.

Придирчивые криминалисты не нашли на Плащанице ничего, что опровергало бы евангельский рассказ о страданиях, крестной смерти, погребении и воскресении Христа; исследования ее лишь дополняют и уточняют повествования четырех

евангелистов. Кто-то назвал Туринскую плащаницу «Пятым Евангелием».

Туринская плащаница подтверждает справедливость изречения английского мыслителя Френсиса Бэкона (1561-1626), что малое знание удаляет от Бога, а большое приближает к Нему. Многие ученые на основании тщательного и всестороннего изучения Плащаницы признали факт воскресения Христа и из атеистов стали верующими. Одним из первых был атеист и вольнодумец профессор анатомии в Париже профессор Барбье, который понял, как врач и хирург, что Христос вышел из Плащаницы, не развернув ее, как Он проходил после воскресения через затворенные двери. Лишь отдельные специалисты, изучавшие Плащаницу, не приняли воскресение Христа из-за вненаучных причин: воскресения не было потому, что его вообще не может быть.

1. Первым фактом, однозначно говорящим в пользу древнего ближневосточного происхождения Плащаницы, является сама ткань — это льняное полотно, тканное зигзагом 3 на 1. Такие ткани изготавливались на Ближнем Востоке, в частности в Сирии в течение II-I вв. до Р.Х. и до конца I в. по Р.Х. и получили название «дамаск». В более ранние и поздние времена они неизвестны. Они стоили дорого. Использование для Плащаницы дамаска свидетельствует о состоятельности Иосифа, что отмечено в Евангелии («богатый человек из Аримафеи» — Мф 27:57), и его уважении к Распятому. Кроме льна, в составе ткани обнаружено несколько волокон хлопка переднеазиатского вида.

Принимая радиоуглеродные расчеты возраста Плащаницы и ее позднехристианское европейское происхождение, мы обязаны объяснить, откуда и как появилась в XIII-XIV вв. ткань, сделанная способом, утраченным более тысячи лет назад. Каким же научным потенциалом должны были обладать «мистификаторы» средних веков, чтобы предусмотреть все эти детали, включая даже использование нитей хлопчатника, произрастающего только в Передней Азии.

2. В пользу древнего возраста Плащаницы свидетельствуют

отпечатки монет, которыми были покрыты глаза Покойного. Это очень редкая монета, «лепта Пилата», чеканившаяся только около 30-го г. по Р.Х., на которой надпись «император Тиберий» (TIBERIOU KAICAROC) сделана с ошибкой: CAICAROC. Монеты с такой ошибкой не были известны нумизматам до публикации фотографий Туринской плащаницы. Лишь после этого в разных коллекциях обнаружено пять

подобных монет. «Лепта Пилата» датирует наиболее древнюю возможную дату погребения — 30-е гг. по Р.Х. Невозможно предположить, чтобы фальсификаторы средних веков сообразили (да и физически могли) для изготовления подлога использовать редкие монеты I в. с редчайшими ошибками.

Таким образом, характер ткани и отпечаток на Плащанице «лепты Пилата» позволяют определять ее возраст между примерно тридцатыми годами и концом I в. по Р.Х., что

вполне укладывается в хронологию Нового Завета.

3. Свидетельствует о древности Плащаницы и детальная точность соблюдения обряда римской казни через распятие и еврейского похоронного ритуала, которые стали известны в результате археологических раскопок лишь последних десятилетий. Особую научную ценность представляют останки некоего Иоаханна, подробно описанные в труде Дж. Вильсона. Такими знаниями в средние века, конечно, не обладали. Некоторые детали представлялись в средневековье иначе; в частности, вбивание гвоздей не в ладони, как это изображается на иконах, в том числе и средневековых, а в запястье. Отметим, что след от гвоздя на Плащанице по форме и размеру точно соответствует форме и размерам гвоздя, хранящегося в церкви Святого Креста в Риме и по преданию являющегося одним из гвоздей, которыми был распят Христос. Неужели для создания подлога фальсификаторы изучали гвозди разных эпох и разного назначения или, зная о гвозде церкви Святого Креста, нарисовали соответствующие раны или изготовили подобные гвозди, чтобы распять свою жертву?

4. Противники древнего происхождения Плащаницы обычно апеллируют к якобы отсутствию каких-либо достоверных исторических упоминаний о Плащанице до 1353 г., когда она была выставлена в храме местечка Лирей. Однако в Византии в отличие от Западной Европы о ней хорошо знали и относились к ней как к величайшей святыне. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические документы.

В древней мозарабской литургии, восходящей, по преданию, к святому апостолу Иакову, брату Господню, говорится: «Петр и Иоанн поспешили вместе ко гробу и увидели на пеленах ясные следы, оставленные Тем, Кто умер и воскрес».

По преданию Плащаница какое-то время хранилась у святого апостола Петра, а затем передавалась от ученика к ученику. В сочинениях доконстантиновской эпохи она практически не упоминается, ибо это была слишком большая святыня и сведения о ней

могли бы послужить поводом для поисков ее языческими властями и привести к ее уничтожению. При частых тогда гонениях уничтожали все предметы христианского культа, особенно книги и в первую очередь Евангелия, которые прятались в потаенных местах и вносились для чтения в молитвенные собрания только на краткое время.

После торжества христианства при императоре Константине упоминания о Плащанице довольно многочисленны.

Известно, что сестра императора Феодосия II святая Пульхерия в 436 г. поместила Плащаницу Христа в базилику Пресвятой Богородицы во Влахерне, близ Константинополя. О Святой Плащанице упоминает в своем письме святитель Браулин, епископ Сарагосский.

В 640 г. Арнульф, епископ Галльский, в описании своего паломничества в Иерусалим упоминает Святую Плащаницу и дает ее точное измерение. О пребывании Святой Плащаницы в Иерусалиме в первых годах IX в. свидетельствует Епифаний Монако. Возвращение Святой Плащаницы из Константинополя в Иерусалим в VII в. связано, видимо, с развитием в Византии иконоборчества (635 — 850 гг.) и опасностью ее уничтожения.

В конце XI в. вновь появляются сведения о Святой Плащанице из Константинополя. Император Алексей Комнин в письме к Роберту Фландрскому упоминает, что «среди надрагоценнейших реликвий Спасителя у него находятся Похоронные Полотна, найденные в Гробу после Воскресения». Упоминание об «окровавленной Плащанице Христовой» имеется и в «Каталоге Царьградских Реликвий» настоятеля исландского монастыря Николая Сомундарсена за 1137 г. По свидетельству епископа Вильгельма Тирского, в 1171 г. император Мануил Комнин показывал ему и королю Иерусалимскому Аморину I Святую Плащаницу Христову, хранящуюся тогда в базилике Буклеона в Константинополе.

Особую ценность имеет сообщение Николая Мазарита, спасшего Святую Плащаницу от огня во время бунта императорской гвардии в 1201 г. «Похоронные Ризы

Господни. Они из полотна и еще благоухают помазанием; они воспротивились разложению потому, что закрывали и одевали нагое, миррой осыпанное, Тело Бесконечного в смерти». Мазарита поразило то, что Христос на Плащанице совершенно нагой — такой вольности не мог себе позволить никакой христианский художник.

Свидетельство об исчезновении Плащаницы из Константинополя во время разгрома города в 1204 г.

крестоносцами дает летописец IV Крестового похода Робер де Клари: «И среди других был монастырь, известный под именем Пресвятой Девы Марии Влахернской, где хранилась Плащаница, которой наш Господь был обернут. Каждую пятницу эта Плащаница была выносива и поднималась для поклонения так хорошо, что было возможно видеть Лик нашего Господа. И никто, будь то грек или франк, дальше не знал, что случилось с этой Плащаницей после разгрома и расхищения города».

После исчезновения Плащаницы из Константинополя ее история полна событиями. То она оказывалась в неизвестности, то появлялась неизвестно откуда; ее похищали, она неоднократно горела. Все перипетии ее судьбы в настоящее время подробно прослежены историками.

5. Изучение состава пылицы, собранной с ткани Туринской пла-

щаницы и изученной ботаником Фреем, выступившим с докладом в Албукерке в 1977 г., подтверждает пребывание Святой Плащаницы в Палестине и переносы ее в Византию и Европу. В составе пылицы преобладают либо собственно палестинские формы, либо встречающиеся кроме окрестностей Иерусалима и в соседних странах (39 видов из 49). Европейские формы представлены единичными видами. Выводы Фрея хорошо согласуются с историческими сведениями о перемещении Плащаницы.

Результаты этих исследований исключают европейское происхождение Туринской плащаницы. Невозможно предполагать, что средневековые фальсификаторы, не имея никаких представлений о современном палинологическом анализе (изучении спор и пылицы) и опасаясь разоблачений потомками, съездили из Европы в Иерусалим и собрали бы там пылицу растений, растущих только в окрестностях этого города.

Таким образом, на основании всей совокупности данных, кратко изложенных в пяти пунктах, возраст Туринской плащаницы датируется очень четко: от 30 до 100 г. по Р.Х., и ближневосточное ее происхождение не может вызывать сомнений.

Туринская плащаница несет на себе веские доказательства Воскресения Христова.

Как установила судебно-медицинская экспертиза Плащаницы, на теле Умершего было множество прижизненных кровотокающих ран от тернового венца, от избияния бичами и палкой, а также посмертные излияния от прободения копьем, которое пронзило, по мнению врачей, плевру, легкое и повредило сердце. Кроме того, имеются следы излияния крови в момент снятия с креста и положения Пречистого Тела на Плащаницу.

Страшные следы телесных страданий чудесным образом запечатлела на себе Святая Плащаница. Христа много били. Били палками по голове, перебили переносицу. Изучая Плащаницу, ученые сумели определить даже толщину палки, повредившей Страдальцу нос. Благодаря судебно-медицинской экспертизе мы знаем о мучениях

Иисуса Христа даже больше и детальнее, чем о них рассказано в Евангелии.

Били Его и бичами. Как свидетельствует Плащаница, бичевали два воина: один высокого роста, другой более низкого. Каждый бич в их руках имел пять концов, в которых были защиты грузила, чтобы плети крепче охватывали тело, а, сдергиваясь с него, рвали кожные покровы. Как считают судебные эксперты, Христа за вздернутые руки привязали к столбу и били сначала по спине, а потом по груди и животу.

Кончив избивание, на Иисуса Христа положили тяжелый крест и приказали нести его на место предстоящего распятия — Голгофу. Таков был обычай: осужденные сами несли орудия своей мучительной казни.

Плащаница запечатлела глубокий след от тяжелого бруса креста на правом плече Христа. Христос, физически измученный и обессиленный, неоднократно падал под тяжестью Своей ноши. При падении было разбито колено, а тяжелая балка креста ударяла Его по спине и ногам. Следы этих падений и ударов запечатлены, по свидетельству экспертизы, на ткани Плащаницы.

Судебные эксперты-медики пришли к выводу, что менее чем через 40 часов посмертный процесс прекратился, ибо в ином случае сохранность пятен крови, лимфы и т. д. были бы существенно иными: к сороковому часу соприкосновения все отпечатки расплылись бы до неузнаваемости. Из Евангелия мы знаем, что Христос воскрес через 36 часов после Своего погребения.

Криминалисты и медики обратили внимание на то, что тело Распятого отделилось от всех кровяных сгустков, от всех затвердений сукровицы и околосердечной жидкости, не потревожив ни одного из них. А каждый врач, каждая медицинская сестра знают, как трудно отделяются бинты от присохших ран. Снятие повязок бывает очень трудным и болезненным процессом. Еще недавно перевязки считались порою страшнее операции. Христос же вышел из Плащаницы, не развернув ее. Он вышел из нее так же, как после Воскресения проходил сквозь закрытые двери. Камень от гроба был отвален не для Христа,

а для того, чтобы во гроб могли войти мироносицы и ученики Господа.

Как могло произойти исчезновение тела из Плащаницы без ее разворачивания и отрыва израненного тела от ткани? Именно этот факт-вопрос заставил атеиста и вольнодумца профессора сравнительной анатомии И. Деляже и атеиста профессора хирургии П. Барбье поверить во Христа и сделаться апологетами и проповедниками Плащаницы. Познакомившись с материалами исследований, неверующий профессор Сорбонны Овелаг погрузился в глубокое размышление и вдруг с просветленным лицом прошептал: «Друг мой, Он действительно воскрес!» Начав изучать Плащаницу, неверующий англичанин Вильсон в процессе своих исследований стал католиком. Таким образом, и медицинско-судебные, и изотопические исследования Туринской плащаницы подводят к признанию факта Воскресения Христа.

А вот заключения юристов и историков.

Эдвард Кларк пишет: «Я предпринял тщательный разбор свидетельств, связанных с событиями третьего дня Пасхи. Эти свидетельства представляются мне бесспорными: работая в Верховном Суде, мне... случается выносить приговоры на основании доказательств куда менее убедительных. Выводы делаются на основании свидетельств, а правдивый свидетель всегда безыскусен и склонен преуменьшать эффект событий. Евангельские свидетельства о Воскресении принадлежат именно к этому роду, и в качестве юриста я безоговорочно принимаю их как рассказы правдивых людей о фактах, которые они могли подтвердить».

Автор трехтомного труда «История Рима» профессор Т. Арнольд, изощренный ниспровергатель исторических мифов и ошибок, утверждает: «Удовлетворительность свидетельств жизни, смерти и Воскресения нашего Господа доказывалась неоднократно. Они отвечают общепринятым правилам, по которым надежные свидетельства отличаются от ненадежных».

Другой исследователь, профессор Эдвин Сельвин, подчеркивает: «Воскресение Христа из мертвых на третий день в полной сохранности тела и духа есть факт, который представляется

столь же надежным, как любой другой, подтвержденный историческими свидетельствами».

Сомневавшемуся в Его Воскресении апостолу Фоме Христос показал на руках раны от гвоздей и рану в ребрах Своих и сказал не будь неверующим, но верующим. Фома воскликнул: Господь и Бог мой! Иисус сказал ему: ты поверил потому, что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие (Ин 20:29). Им-то ведь и дается духовно-опытное сердечное познание воскресшего Господа, победы жизни над смертью, постижение Евхаристии.

Проведя много лет в сборе материалов о Туринской плащанице автор этих строк почувствовал, что к нему больше не относятся слова Христа, сказанные апостолу Фоме: ...блаженны невидевшие и уверовавшие (Ин 20:29). Я вложил перста мои в язвы гвоздинные и руку свою в ребра Его.

И думается, что после стольких свидетельств и древних, и Туринской плащаницы, не признавать Воскресение Христа может только тот, кто все в мире пытается объяснить своим ограниченным и греховным разумом, тот, кто ничего не хочет знать, тот, кому Бог мешает жить по его страстям и гордости. Знаменитый Бакунин, кумир молодежи конца прошлого века, говорил: «Если Бог существует, — Его надо запретить».

Плащаницу тоже запрещали. В течение десятилетий никаких общедоступных сведений о ней в Советский Союз не поступало. О ней даже не упоминали в антирелигиозных лекциях.

Как не принимали и не принимают Христа, так не принимают Его Святую Плащаницу, четко свидетельствующую о страданиях и Воскресении Господа нашего. Одни, увидев и изучив ее, принимают веру, а другие выдумывают всякие ложные и несостоятельные объяснения, только чтобы оправдать свое неприятие Христа.

Наша вера не в Плащанице, не в рациональном знании, а в сердце, в благоговении и духовном опыте. «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Плащаница нужна для Фомы неверующего. А для того, кто отвергает Бога, она — неприятная заноза, о которой надо забыть.

Публикуется в сокращении

Альфа и омега № 2 / 1994

ЖЕНЫ-МИРОНОСИЦЫ

ТРОПАРЬ:

Мироносицам женам при гробе представ ангел, вопияше: мира мертвым сѣть прилична, Христос же истлѣния явися чуждь. Новозопийте: воскресѣ Господь, подая миру велию милость.

В 3-ю неделю по Пасхе св. Церковь положено празднование женам-мироносицам. Этот день, а также неделя после него, являются церковным женским праздником, когда родственники, друзья и дети поздравляют своих близких женщин — супруг, матерей, сестер.

Жены-мироносицы — последовательницы Иисуса Христа, первыми пришедшие к погребальной пещере, где накануне было положено тело Господа, чтобы совершить, по иудейскому обычаю, помазание благовонными маслами и оплакать Его.

Евангелия почти одними и теми же выражениями повествуют о том, что во время распятия Христа многие женщины, «следовавшие за Ним из Галилеи» (Лк 23. 49), были там и смотрели издали (Мф 27. 55-56; Мк 15. 40-41; Лк 23. 49; Ин 19. 24-27). В Ин 19. 25 сообщается в отличие от синоптических Евангелий, что «Мать Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова и Мария Магдалина» вместе с ап. Иоанном Богословом стояли рядом с Крестом. В период Его земного служения многие из Жен-мироносиц служили Ему, в том числе и «имением своим» (Лк 8. 2-3). После смерти Христа некоторые из них участвовали в Его погребении неподалеку от места казни (Мф 27. 59-61; Мк 15. 46-47; Лк 23. 53-55; ср.: Ин 19. 40-42). По прошествии субботы, когда начался 1-й день недели, они первыми пришли к погребальной пещере, чтобы помазать тело Спасителя (Мк 16. 1), т. е. совершить необходимый погребальный обряд, который состоял в натирании умершего специальными благовонными смесями, ослаблявшими на время скорость и запах разложения.

Жены-мироносицы по-разному представлены у евангелистов. Так, в Евангелии от Матфея упоминаются только Мария Магдалина и «другая Мария» (Мф 28. 1); в Евангелии от Марка — Мария Магдалина, Мария Иаковлева (Мк 15. 40) и Саломия (Мк 16. 1); в Евангелии от Луки — «Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними» (Лк 24. 10). По свидетельству евангелиста Иоанна, из женщин в то утро дважды приходила ко гробу только Мария Магдалина (Ин 20. 1-2, 11-18). Таким образом, все Евангелия сообщают о присутствии у погребальной пещеры Марии Магдалины, а синоптики совпадают в свидетельстве о том, что она пришла ко гробу вместе с Марией, матерью Иакова и Иосии, и матерью сыновей Зеведеевых (ср.: Мф 27. 56). У евангелистов Марка и Луки в рассказе о хождении ко гробу присутствуют еще Саломия и Иоанна соответственно.

Саломия, кроме Мк 16. 1, упоминается в Мк 15. 40 (вместе с Марией Магдалиной и Марией, матерью Иакова и Иосии). Сопоставляя Мк 15. 40 и Мф 27. 56, можно предположить, что она и есть «мать сыновей Зеведеевых», которая незадолго до входа Господня в Иерусалим просила у Него, чтобы он сделал ее сыновей (Иакова и Иоанна) первыми после себя в Царстве Божием (Мф 20. 20-23).

Об Иоанне, кроме как в Лк 24.10, евангелист Лука говорит еще в Лк 8. 3, когда перечисляет по именам учениц Христа, следовавших за Ним по Галилее. Там она называется «женой Хузы, домоправителя Иродова» (имеется в виду царь Ирод Антипа). По Священному Преданию Церкви именно она тайно взяла честную главу св.Иоанна Крестителя и, положив ее в сосуд, с благоговением погребла ее в поместье Ирода, на горе Елеонской.

Больше всего споров у толкователей вызывал и до сих пор вызывает вопрос идентификации «Марии, матери Иакова меньшего и Иосии» (Мк 15. 40) или Иосифа по греч. тексту (Мф 27. 56). На этот счет имеются 2 основные точки зрения: Марию (названную в Мф 27. 61 «другая Мария») блж. Иероним Стридонский отождествлял с Марией Клеоповой (Ин 19. 25), сестрой Богородицы и

женой упоминаемого в Лк 24. 18 Клеопы. Согласно другому толкованию, которого придерживался, в частности, свт. Иоанн Златоуст, именно Богородица упоминается среди Жен-мироносиц в Евангелии от Матфея под именем «Марии, матери Иакова и Иосии» (Мф 27. 56), а также — «другой Марии» (Мф 27. 61; 28. 1). Блж. Феофилакт Болгарский пишет: «Под Марией, матерью Иакова, разумей Богородицу, ибо Ее так называли как мнимую мать Иакова, сына Иосифова, я разумею брата Божия».

Что касается отождествления «другой Марии» с «Марией Клеоповой», то здесь возникают трудности с тем, что значит определение «Клеопова»: «мать Клеопы», «сестра Клеопы» или, что наиболее вероятно, «жена Клеопы». Решить это однозначно невозможно в силу скудости документальных свидетельств об этой Марии. Однако «женой Клеопы» считал ее уже раннехристианский автор Егесипп (сер. II в.). Кроме того, остается спорным, относится ли выражение «сестра Матери Его» в Ин 19. 25 к указанной Марии, или оно указывает на еще одну не названную по имени женщину, стоявшую у Креста Христова. Евсевий Кесарийский считал, что под «другой Марией» нужно понимать вторую Марию из Магдалы, почему она и названа так, чтобы отличать ее от Марии, называемой Магдалиной, однако это мнение не получило широкого распространения.

Священное Предание Церкви говорит также о Марии

и Марфе, Сусанне. О Сусанне упоминает только один евангелист Лука и только однажды: когда рассказывает о прохождении Господа Иисуса Христа по городам и селениям для проповеди и благовествования, то из сопутствующих ему жен именуется и Сусанну (Лк. 8, 3), как служившую Христу от имени своих.

Все эти женщины вошли в гимнографию и литургические тексты под общим именованием жен-мироносиц.

Многие толкователи обращали и обращают внимание на упоминание евангелистом Иоанном в рассказе о приходе ко гробу только одной Марии Магдалины (Ин 20. 1). Блж. Августин, обсуждая эту особенность 4-го Евангелия, говорит, что Мария Магдалина была упомянута потому, что «пламенела большей любовью», при этом подразумевались и другие вместе с ней, но о них он умолчал. В пользу согласованности сообщения Евангелия от Иоанна с сообщениями синоптических Евангелий говорит выражение Марии «и не знаем» (Ин 20. 2), т. е. тем самым намекается на присутствие других женщин у гроба вместе с Марией. Однако дискуссия о значении этого выражения не прекращается.

Свт. Иоанн Златоуст подчеркивает в своем толковании рассказа о хождении ко Гробу Спасителя «мужество женщин... пламенную любовь... щедрость в издержках... решимость на самую смерть», призывая христиан подражать им.

По страницам «Православной энциклопедии»

ХРИСТИАНСТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Теперь я знаю: Христос воскрес!»

Райнер Мария Рильке (1875 - 1926гг.) — австрийский поэт-символист, перу которого принадлежит одно из самых глубоких и поразительных определений нашей родины: «Россия граничит с Богом». Несколько раз поэт приезжал в Россию, был на Волге, в Петербурге, в Киеве. «То, что я видел до сих пор, было лишь образом земли, реки и мира. Здесь же все это присутствует само по себе. У меня чувство, будто я созерцал само творенье; как мало слов для всебытия, для вещей, данных в масштабе Бога-отца».

«То, что Россия — моя родина, принадлежит к моим внутренним убеждениям, которыми я живу», — скажет он впоследствии.

А начнется эта необыкновенная любовь к России у молодого австрийского поэта за пасхальной заутренней в стенах православного храма московского Кремля. Все виденное им в эту ночь потрясло впечатлительного поэта: ему казалось, что именно в те часы к нему вернулось чувство живого Бога, потерянное в метаниях юности, ощущение цельности бытия и собственных творческих возможностей.

«Один-единственный раз была у меня настоящая Пасха. То была моя Пасха, и я думаю, мне хватит ее на целую жизнь. В ту московскую ночь мне была торжественно подана великая весть, проникающая мне и в кровь, и в сердце. И

теперь я знаю: Христос воскрес!», — напишет он в одном из своих писем.

Россия была настолько притягательна для поэта, что одно время он даже думал о том, чтобы обосноваться здесь навсегда. В письме к Суворину, где объяснял свое желание переселиться в Россию: «Я — одинокий и лишний в этой стране (Германии), где нет смирения и нет Бога для смиренных и молчаливых.

И я не сомневался бы, что буду везде таким же одиноким, потерянным и лишним, если бы дважды... не посетил России, где я узнал, что и у меня есть родина, что на земле есть край, в котором я мог бы пустить корни, и есть народ, который я мог бы любить, который — люблю...»

Соедините меня как угодно с Вашей великой и полной будущего страной, в которую я верю каждой частичкой своего чувства...»

Именно поездки в Россию вдохновили поэта на создание одного из лучших своих циклов стихотворений — сборника Часослов, в котором несмолкающей мелодией звучит молитва, обращенная к Богу. Прозаическим дополнением к «Часослову» стали «Истории о добром Боге».

Райнер Мария Рильке

Как на Руси появилась измена

У меня есть один друг по соседству. Этот светловолосый человек парализован, и зимой и летом он сидит на стуле у своего окна. Обычно он выглядит очень молодо, иногда в его внимательном лице проглядывает даже что-то мальчишеское. Но бывают дни, когда он вдруг стареет, минуты пролетают над ним, как годы, и он превращается в старика, в чьих потускневших глазах вот-вот погаснет последняя искорка жизни. Мы знаем друг друга давно. Сначала мы лишь обменивались взглядами, потом невольно стали улыбаться друг другу, уже год мы рассказываем друг другу то одно, то другое, все без разбора, что только происходит на свете.

— Добрый день, — крикнул он, когда я проходил мимо; его окно все еще было раскрыто в тихую, красочную осень. — Давненько я Вас не видел.

— Здравствуйте, Эвальд. — Я подошел к окну, как делал обычно, когда мне было по дороге. — Я уезжал.

Где же Вы были? — спросил он с нетерпеливым огоньком в глазах.

— В России.

— О, так далеко! — он откинулся на спинку стула. — Что это за страна — Россия? Она очень большая, не правда ли?

— Да, — сказал я, — большая, и кроме того...

— Это был глупый вопрос? — улыбнулся Эвальд и покраснел.

— Нет, Эвальд, напротив. Когда Вы спросили, что это за страна, мне многое стало ясно. Например, с чем Россия граничит.

— На востоке? — предположил больной. Я немного подумал.

— Нет, скорее...

— На севере, — допытывался мой друг.

— Видите ли, — нашелся я, — чтение по карте портит людей. Там все плоско и вразумительно, и когда они видят меридианы и параллели, им кажется, что больше ничего и не надо. Но страна — не атлас. На ней есть горы и бездны. И вверху и внизу она ведь тоже с чем-то соприкасается.

— Гм. Вы правы, — задумчиво сказал Эвальд. — А с чем граничит вверху и внизу Россия?

Вдруг он взглянул на меня совсем как мальчишка.

— Да Вы знаете это! — воскликнул я.

— Наверное, с Богом?

— Конечно, — подтвердил я, — с Богом.

— Так. — кивнул мой друг понимающе. Но потом у него возникли, видимо, какие-то сомнения. — Разве Бог — страна?

— Не думаю, — ответил я, — но в языках первобытных народов многие вещи называются одинаково. Есть страна, которая называется Бог, и тот, кто над ней властвует, тоже зовется Бог. Простые народы часто не могут различить их страну и властителя: оба велики и милостивы, грозны и велики.

— Я понимаю, — медленно произнес человек у окна. — А люди в России замечают это соседство?

— Его замечают повсюду. Влияние Бога самое мощное. Сколько бы ни ввозили из Европы западные вещи, стоит им пересечь границу, тут же превращаются в камни. В том числе драгоценные, но, конечно, только для богатых, или как они себя называют, «образованных», тогда как из другой страны — той, что внизу — народ получает хлеб, которым живет.

— Должно быть, хлеба у народа вдоволь?

Я помедлил.

— Нет, не совсем так, некоторые обстоятельства затрудняют ввоз от Бога... — Я попытался перевести раз-

говор на другое. — Но многие обычаи происходят там из этого обширного соседства. Например, весь церемониал. К царю там обращаются примерно так же, как и к Богу.

— Так значит, ему не говорят «Ваше Величество»?

— Нет, обоих зовут «батюшка».

— И перед обоими преклоняют колени?

— Перед обоими повергаются ниц, бьют челом оземь и обоих слезно молят: «Грешен я, смилуйся, батюшка!» Немцы, видя это, думают: какое низкое раболепие. Я же считаю иначе. Для чего падают на землю? Этим как бы говорят: я благоговею. Но для этого достаточно обнажить голову, — скажет немец. Ну разумеется, и приветствие, и поклон в какой-то мере выражают то же самое — однако это лишь сокращения, к которым прибегают в странах, где не хватает земли, чтобы все могли простираться на ней. Но к сокращениям быстро привыкают и начинают употреблять их механически, уже не вспоминая об их смысле. Поэтому хорошо, когда есть место и время для того, чтобы целиком выписать это прекрасное движение, это мудрое слово: благоговение.

— Да, если бы я мог, я бы тоже повергался ниц, — посетовал больной.

— Но и множество других вещей, — продолжал я после небольшой паузы, — русские получают от Бога. Они уверены, что все новое идет от Него, будь то платье, кушанье или добродетель; и даже любой грех лишь тогда войдет в обычай, когда есть на то Его воля.

Большой посмотрел на меня почти с испугом.

— Об этом говорит одна сказка, всего лишь сказка, — поспешил я его успокоить, — так называемая былина, или повесть о бывшем. Я расскажу Вам ее вкратце. Она называется «Как на Руси появилась измена». — Я облокотился на

подоконник, и больной закрыл глаза, как он делает всякий раз, когда слушает историю.

— Грозный царь Иван задумал обложить данью окрестных князей и пригрозил им большой войной, если они не пришлют в Москву, белокаменный город, двенадцать бочек золота. Князья стали держать совет и ответили царю так: «Вот тебе три загадки. В день, который мы назначим, приходи к белому камню, что на востоке, там мы будем ждать тебя с ответами. Ответишь верно — дадим тебе золота, сколько потребуешь». Царь Иван стал было думать, да только ему все время мешали бесчисленные колокола его белокаменной столицы. Тогда он кликнул своих ученых и советников и повелел каждого, кто не сможет разгадать ему хитроумных загадок, вести на широкою красную площадь, где только что построили собор Василия Блаженного и не мешкая отрубать ему голову. За этим занятием время пролетело незаметно, так что он лишь тогда вспомнил, что до сих пор не знает ни одного правильного ответа, когда уже сел на коня, чтобы ехать на восток, к белому камню, у которого ждали его князья. Но путь предстоял долгий, и еще оставалась возможность повстречать какого-нибудь мудреца, которые ведь во множестве бродили тогда повсюду, скрываясь от царей из-за их привычки отрубать мудрецам головы, если те не казались им достаточно мудрыми. Только на этот раз не попалось царю ни одной подходящей головы. Зато однажды утром он увидел старого бородатого мужика, который достраивал церковь. Он уже установил стропила и теперь покрывал их маленькими дощечками. Но как он это делал! За каждой новой тоненькой планкой старик спускался на землю, где они лежали аккуратной стопкой, вместо того, чтобы поднять их в своем длинном кафтане сразу целое беремя.

Он только и делал, что карабкался, кряхтя, вверх и вниз по лестнице, а стопка все не убывала, и конца-края всему этому не было видно. Не мудрено, что царь потерял терпение. «Дурак, — крикнул он (так в России принято обращаться к незнакомым мужикам), — ты бы нагрузился как следует этими деревяшками, да и лез на церковь, этак-то куда проще».

Мужик, который как раз спустился на землю, посмотрел из-под ладони

на царя и ответил: «Уж в это ты не мешайся, царь Иван Васильевич, всяк свое ремесло разумеет; а коли уж ты тут проезжаешь, то вот тебе загадки трех загадок, которые ждут от тебя у белого камня, что на востоке, тут уж недалеко — запоминай же хорошенько», — и он назвал их по порядку, загибая пальцы. Царь от изумления не мог вымолвить слова. «Чего ты хочешь в награду?» — спросил он, опомнившись. «Ничего», — ответил мужик, взял новую дощечку и пошел к лестнице. «Стой, — крикнул царь, — так не пойдет, изволь-ка чего-нибудь пожелать». — «Ну, коли ты, батюшка, велишь, то отдай мне одну из двенадцати бочек золота, которые ты возьмешь с князей на востоке». — «Хорошо, — кивнул царь, — будет тебе бочка золота». И он поспешил в путь, чтобы не забыть отгадки.

Когда же царь вернулся в Москву, он первым делом заперся в своих палатах, что посреди пятивратного кремля, и высыпал все золото, бочку за бочкой, посреди зала, так что на блестящем полу выросла целая золотая гора с длинной черной тенью. В своей забывчивости царь опорожнил и двенадцатую бочку. Он хотел было наполнить ее вновь, но ему стало жаль такой великолепной кучи. Ночью он спустился во двор, насыпал в бочку на три четверти песка, тихонько вернулся во дворец, присыпал песок сверху золотом, а утром отправил бочку с гонцом в ту местность необъятной Руси, где старый мужик строил свою церковь. Но когда тот увидел царева посланца, он слез с крыши, с которой недалеко-таки продвинулся, и закричал: «Не трудись подходить ко мне, дружок, поворачивай-ка обратно со своей бочкой, в которой три четверти песка и лишь жалкая четверть золота, не надо мне ее. Да скажи своему государю, что до сих пор еще на Руси не было измены. Но теперь он сам будет виноват, если увидит, что ни на кого нельзя положиться; он сам показал, как лукавят, и век от века все больше будет на Руси тех, что пойдут по его дорожке. Мне не надо золота, я и без золота проживу. Я ждал от него не золота, а правды и чести. Но он обманул меня. Скажи это твоему государю, грозному царю Ивану Васильевичу, что сидит в своей белокаменной столице в парче-то золотой, да с совестью худой».

...Отъехав немного, гонец еще раз оглянулся: мужик и его церковь ис-

чезли. И дощечки не лежали уже на земле, лишь ровные, безлюдные поля простирались вокруг. В ужасе прискакал гонец в Москву, предстал, едва переводя дыхание, перед царем, довольно bestолково рассказал ему, что произошло, и побожился, что мнимый мужик был не кто иной, как сам Бог.

— Скорее всего, он не ошибся? — сказал мой друг в наступившей тишине.

— Может быть, — ответил я, — но Вы знаете, народ ведь суеверен... А между тем, мне пора идти, Эвальд.

— Жаль, — искренне огорчился больной. — Но Вы расскажете мне потом еще какую-нибудь историю?

— С удовольствием, только при одном условии. — Я вновь подошел к окну.

— А именно? — удивился Эвальд.

— Вы должны будете при случае пересказывать все соседским детям, — попросил я.

— О, дети теперь навещают меня так редко.

Я постарался его утешить:

— Они еще придут. Видимо, у Вас в последнее время просто не было охоты им рассказывать, а может быть, не было — или наоборот, было слишком много — подходящего материала. Но если знаешь настоящую историю, думаете, она останется в тайне? Да о ней сразу же заговорят повсюду, особенно дети!

Мы попрощались, и я ушел. А дети услышали эту историю в тот же вечер.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало №№ 10 - 12, 2010 г., № 1-3, 2011 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

7

Развели костёр. Возле него собрались все переселенцы. Старик по памяти произнёс молитвенное правило «На сон грядущим», Святое писание. А потом все долго пели молитвы. И никаких пустых разговоров. Наконец всё смолкло. Лишь один ущербный месяц сиял с небесной высоты, да старик Селафиил сидел одиноко возле светящихся угольев, оставшихся от костра. Смотрел в степь, где паслись кони переселенцев. Порфирию тоже не спалось. Встал, подсел к старику. Долго оба молчали. В раздумье Селафиил заговорил как бы сам с собой:

— От своей породы не убежишь. Вот и дознался чужой человек с первого взгляда, что мы переселенцы-старообрядцы.

— А чего тут хитроумного? — проговорил Порфирий. — Я заметил, как кто-то на нашем возу перекрестился двумя перстами. И одеты во всё домотканное, и по старинке. Так облачаетесь теперь только вы.

— От развращённого мира бежим в глухие места, не знаем как и во что одеваются теперича. И слава Богу. Поелику старообрядчеству надо продержаться до последних времён.

— Старообрядцы-то не вы, а мы — никоновцы, не в обиду будет сказано.

— Это с каких пор?

— Со времён пришествия на землю Христа. А Патриарх Никон ничего нового не придумал, он вернул российских христиан в старое греческое вероисповедание.

— Не возмущай мою душу такими негодными разговорами. Беседа прервалась. После долгого молчания Порфирий спросил:

— На новом месте будете насаждать ваше вероис-

поведание, аль как? И этот вопрос не по душе старику. Проговорил недружелюбно:

— Не наше дело — печати снимать. Самим устоять бы и почитать верными.

— А по-моему надо разъяснять людям, почему вы так стойко держитесь за свои обряды. Я-то знаю, почему. Сочувствую вам, помогаю. Но и другие хотели бы знать. Особливо молодые.

— Хотели бы... как же, — задумчиво произнёс Селафиил. — Молодые шепотники ведут ночные хороводы под заревом горящих сёл наших.

И опять надолго установилось молчание.

— Под барином жили? — спросил Порфирий.

— Из детства помню рассказы старых людей, как хорошо жилось под барином, да пришло лихо: начал барин вводить Никоновские реформы. Люди и всполошились, подумали, что настал конец света. Попустил Бог анчихриста. Петра-то Великого в народе анчихристом называли. Вздёрнул Святую Русь на дыбы.

— Дак, ему мешало всё, что отличало нас от западных наций, — подтвердил Порфирий. — На Православную Церковь смотрел с подозрением.

— Поелику и уничтожил на Руси патриаршую власть, — сказал, словно простонал Селафиил. — Надоть токмо не дать себе-то упасть. Цари — царями, а вера — верой.

— Это ты верно сказал. Цари приходят и уходят, а Бог всегда над нами один.

— Если надоть, то и пойти в огонь за веру православную.

— И пошли, насколько я знаю.

— По первости-то воспользовались отъездом

барина и ночью несколько семей, верных старым обычаям, собрали кое-какой скарб, привязали коровёнок к телегам, сложили на них святые книги и лесами поехали на восход солнца. Слышали про Сусанина-то — завёл поляков? Вот какие там дремучие леса да хляби. В болотах клюква. В лесах грибов — хоша литовкой коси. Тетерева сами в руки просятся. Тем и кормились всё лето Господне. Меня тогда, конечно, ещё и впомяне не было, старые люди рассказывали. Кое-как добрались до Каменного пояса, углубились в глухие межгорья и построили деревеньку.

Спокойно жилось недолго. Царь Пётр — «милостивец» этойкой повелел направить команды воинские в потаённые места для розыску и приведению в веру истинную беглых, впавших в «богомерзкое раскольникове развращение», — так было сказано в указе. И пошли гари великие по всему Уралу.

Слух и до нас доходил, что в старообрядческих деревнях солдаты свирепствуют. Упорных бьют розгами, забивают насмерть, парней уводят на Демидовские заводы. Некоторые целыми деревнями, чтоб не отступить от своего вероисповедания, сжигают себя в молеельнях. И в нашей деревне на сходе решили — тоже не попускаться, сгореть в очистительном огне, если заявятся солдаты.

День был жаркий. Полсела или того больше метали сено в горах. Смотрят дозорные с вершины — далеко по долине идут в сторону нашей деревни солдаты. Все, кто был на сеномётке, вскочили на коней и айда в деревню. А меня — пострелёнка послали в соседний Борисов лог, сообщить метавшим там сено о пришлой беде. Ещё не доехал к ним, а уже из деревни послышался звон била, собиравший народ на сход. Понял я, скоро, может быть, увижу Бога.

Взметнулся я с конём на Пик-гору. С неё далеко видно. Солдаты уже к Медной подходят, а за той горой наша деревня. И деревню видно. Видно, как люди бегут к молеельне. А солдаты движутся неторопливо. Но Борисов-то лог от деревни дальше, чем солдаты. Во мне тогда мешалось Православие с язычеством. Верил, что есть хозяйка Медной горы. Прошу её подождать с палом, чтоб мне успеть вместе со всеми предстать перед Иисусом Христом. Страшно ведь не было. И теперь глазом не моргну, ежели за родного Иисуса Христа придётся с телом расстаться.

Внизу Борисов лог как на ладони. По всему логу белеют платки, да блестят на солнце у начатых стогов мокрые от пота длиннополые рубахи сеномётчиков. Ребятишки верхом на лошадях подвозят на волокушах к стогам копны. Слышится молитвенное пение. Прокричал я с горы о солдатах. Не слышат. Пришлось спускаться. На мои крики сбежались бабы с граблями, сеномётчики с трёхрожковыми деревянными вилами: «Скорей в деревню! — кричу. — Солдаты за Медной горой. Не успеем вместе со всеми в огонь!» — «Вишь ты, о чём печалится пострелёнок» — проговорил кто-то одобрительно.

Мужики, бабы с ребятней на коней, и — скорей к деревне. С перевала смотрим, братья и сестры по вере уже заходят в молеельню. Погнали мы лошадей что есть духу. В деревню въехали, а молеельня уже вся объята огненным вихрем. Будто огромный костёр пылает. А из того пламени — молитвенное пение. И перекрывается оно истошным рёвом детей. Кто-то из подъехавших крикнул: «Сгорим, но не предадим Христа!» Кинулись к дверям горячей

молеельни, а двери не открываются. Мы в крик все: «Открывайте, братья и сестры!» Слышим, изнутри пытаются открыть, да не могут. Заклинило огнём. Из леса раздался голоса. Мы — в кусты, за скалу и оттуда смотрим. Солдаты окружили пожар, пытаются тушить, да куда там! Жар такой, что за скалой очень даже чувствовалось. От такой жары святые души внутри молеельни не долго маялись. Молитвенное пение и жуткие вопли детей умолкли. А мы сидели в кустах за скалой, и охваченные каким-то благоговейным ужасом, молчали. И уже не было нам дела ни до солдат, которые, не дождаввшись, когда молеельня догорит, ушли за околицу и устроили там бивак с костром, ни до собственной дальнейшей судьбы. Поплелись, уже ничего не боясь, по камням в северную сторону Урала-батюшки, и в глухом урочище срубили избышки. Там выросли мои детки, поженились. Уж скоро и внуки наши — Ромил с Кукшей заведут нам правнуков. Дал бы только Господь Бог мирной жизни, чтоб веру нашу — старообрядческую никто не задевал.

— А где же вы грамоту для рудознатцев раздобыли?

— Ноне появился в нашей деревне единоведец Павел Костряков. Вот у него. А где сам раздобыл, не сказывал. А только сказал, что про нашу деревню прознали в Екатеринбурге, и посоветовал не медлить с отъездом. Почти все поехали ещё дальше на север, а мы — три семьи, согласно этой грамоте, в Колыванский уезд. На радость ли, на горе едем — Бог ведает. — Селафиил насторожился: — Дождём опакнуло. Может, освежит степь.

Порфирий принюхался, но ничего не вынюхал. Подумал: «Хорошо, ежели брызнет, а как зарядит..?» Над головой всё то же мелкозвёздное небо, и ущербный месяц мертво сияет над тёмной степью. Но с полуночи звёздочки начали заплываться мраком. И в этом мраке засверкали молнии. Дунул ветер, и пошёл с нарастающей силой завывать. Короткий свет всполохов вырывал из темноты несущихся по степи зверей. Они спотыкались, подпрыгивали и мчались дальше. «Перекасти поле», — подумал Порфирий и едва успел с Селафиилом спрятаться от хлынувшего ливня в шатёр.

Небесный водопад полоскал до утра. Обоз словно вымер. Если в кибитке ещё можно было как-то продолжать поездку, то сидеть на открытых телегах под хлесткими струями совсем ни к чему. Обозники вынуждены были переждать неожиданное ненастье. Порфирий затужил: ехать — не ехать? Держа над головой пустое ведро, прошёлся под ливнем. Дорога местами топкая, как болото, местами скользкая. «И сами намучаемся и коней измучим», — подумал Порфирий. Последнее слово за Глафирой Никитичной. Но та по-другому и не думала. Решено было переждать непогоду вместе с обозом.

...Дождь не переставал трое суток, наполнил кадки водой доверху. Всё это время братья Ромил и Кукша не отходили от Дуни. О чём-то говорили с ней, и она что-то лопотала. Глафира Никитична прислушалась: вроде здорово, но не совсем.

На четвертый день распогодилось. Но было топло, ехать невозможно. За день от жаркого солнца дорога покрылась плотной корочкой засохшей грязи. На пятый день, с рассветом Селафиил, почёсывая бороду, обходил шатры: «Вставайте, пора дале в путь. Вставайте, вставайте...» Переселенцы шутиливо бурчали: «Моисей гунгливый, не даёшь выспаться

богоизбранному народу». Однако послушно поднимались. Разбирали шатры, укладывали в телеги спальные принадлежности. Кто-то собирал по степи лошадей, кто-то запрягал их. А кто-то смазывал дѣгтем оси тележных колѣс. Порфирий, оказавшись рядом с Селафилом, сказал ему:

— Пятые сутки с вами, и ни разу не слышал ни от кого пустого слова.

— Мы держимся за десницу Господа. А тебе и самому небось знамо, как душу мутит, когда святое дело осрамляют речами праздными. Зело противно.

— Знамо, зело.

Перед отправкой Селафиил подошёл к Порфирию.

— Хоть мы и по разному молимся, но мы всё ж братья у одного Бога — Иисуса Христа. Поезжайте под Его надзором. Вѣрст через семь вам повстречается речка.

Перевоз вброд. Там вам могут встретиться два человека, так вы не пужайтесь. Они монахи-отшельники. В высоком берегу у них печѣра. В ней и живут — в печѣре. Божии люди. Не поминай, брат, лихом. На том свете свидимся. На этом уж не придѣтся. Стар я. Не сегодня — завтра Господь приберѣт.

...Без обоза словно осиротело всё вокруг. Дуня долго глядела на опустелую равнину, и мать не видела в её глазах прежней дикости. Ромил с Кукшей благотворно повлияли на её состояние. И Глафира Никитична было начала радоваться, однако вскоре дочь опять принялась кричать, биться. Мать с Порфирием едва удерживали. Кое-как связали.

...Скоро на горизонте замаячили деревья, кустарники. Кони, почуяв воду и зелень, сбились с шага и поплелись ленивой рысью. Суслики, выжитые из нор ливнем, как слепые метались по дороге, подпрыгивали под ногами лошадей. Что заставило этих осторожных животных выбежать на открытое место и не прятаться даже при появлении повозок, было удивительно и необъяснимо. Порфирий терпеливо отгонял вожжами от лошадей надоедливых паутов и слепней, которых с приближением к воде становилось всё больше.

Далеко в стороне завиднелись соломенные крыши. Глафира Никитична достала схему дороги и определила: «Деревня Суслиеды». Вот так имечко! Хотя ничего удивительного. Многие деревни в России имели довольно неприятные для их жителей названия. Например, в Кольванском уезде: Чернопятово, Голопузовка, Паразитовка, Заикастое, Чумное... После такого перечня так и хочется сказать: «Русь ты наша — край долготерпения и смирения!».

Подъехали к довольно широкой речке, но мелкой, заболоченной. Порфирий остановил коней. И только хотел было спустить их к воде, как из кустов вышли два указанных Селафилом монаха. На облачениях живого места нет. Всё в заплатах, но чистое. То, что эти два человека принадлежат к монашескому роду, показывали их скуфейки и подрясники, от которых остались нижние половинки. Поклонившись низко в пояс, попросили пожертвовать сколько возможно на постройку часовни. Глафира Никитична подала им два рубля. Монахи тут же словно растворились в воздухе. Порфирий

молча распряг лошадей, напоил, задал овса. Пока те хрумкали, вынес из кибитки связанную Дуню, и все трое улеглись на берегу, устланном травой-муравой. Дуня смотрела в небо и улыбалась бессмысленной улыбкой.

Понежиться на траве у реки не дали насекомые. Они атаковывали исподтишка и настырно. И как не отмахивала их Глафира Никитична, кто-то больно укусил Дуню за руку. Она с визгом заорала, выкрикивая, как всегда, всякий сброд. Порфирий гневно ругнулся: «Слепень — анафема идола, нет на тебя погибели!» — так он по-своему успокаивал Дуню. Поднял её, отнёс к речке и обмыл укушенное место. Выгтер подолом рубахи. Потом встал лицом к востоку и принял на память произносить Акафист Богородице.

— Нашёл время и место. Закусают, — сказала, отмахиваясь, Глафира Никитична.

— В том и сладость, и упование.

К следующему населённому пункту — «Борфортпост дальний» добрались через двое суток. Запаслись продуктами, переехали бор, а там «Борфортпост ближний».

Чем меньше оставалось пути до Тобольска, тем чаще попадались поселения, и тем спокойнее становилась Дуня. А когда далеко на горизонте замаячили неясные очертания церкви, её развязали. Уселась с боку телеги, свесив ноги. Навстречу в пролѣтке напомаженный барин. Он подтвердил, что вдали виден Тобольск. А на Дуню смотрел как-то особенному. Красива и страшна — в гроб краше кладут.

Тобольск, появившись однажды на горизонте, никогда не исчезал. Теперь хорошо был виден высокий берег Иртыша, а над ним, словно нагромождение облаков, кремлёвские белые стены, над которыми возвышались такие же белые храмы с куполами и маковками. Глафира Никитична с Порфирием всё чаще посматривали на это чудо, похожее на мираж.

Рисунок автора

Продолжение следует

ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ

Главные пасхальные угощения — крашеные яйца, творожная пасха и, конечно, кулич. Пасхальный кулич — это особый, «праздничный» вид хлеба. Его пекут из дрожжевого теста с добавлением большого количества сливочного масла, яиц и сахара.

Испокон веков хозяйки не жалели для своих куличей самых лучших продуктов: каждая хотела, чтобы ее кулич был самым вкусным и красивым. Теста всегда замешивали много, ведь на Светлую седмицу было принято ходить в гости и щедро угощать друг друга свежими куличами. Секреты выпечки передавались из поколения в поколение.

И сегодня пасхальные куличи, приготовленные по старинным рецептам, получаются вкусными и долго не черствеют. Приготовить кулич не так просто. Тесто для кулича капризное и требует бережного отношения: оно не любит сквозняков, громких звуков, резких перепадов температур. И главное — не спешить. Иногда в тесто для кулича добавляют дополнительные ингредиенты — изюм, орехи, цукаты, мед, лимонную цедру, шоколад, разнообразные специи (кардамон, мускатный орех, корицу, гвоздику, ваниль) и даже коньяк.

Особое значение имеет украшение пасхального кулича. По традиции орехами или изюмом выкладывают изображение креста или буквы «ХВ» — Христос Воскресе. Куличи можно полить глазурью и помадкой, украсить сахарной пудрой, маком или специальными кондитерскими обсыпками.

КУЛИЧ ПО СТАРИННОМУ РЕЦЕПТУ

Для опары: дрожжи свежие 50 г, молоко теплое 1/2 л, соль 1 ч. л., сахар 1/2 стакана, немного муки.

Для теста: яйцо 6 шт., сахар 1,5-2 стакана, изюм без косточек 1 стакан, масло сливочное размягченное 500 г, мука пшеничная.

Для приготовления опары смешать в большой миске все ингредиенты. Накрывать миску полотенцем и поставить в теплое место, что опара подошла, на 2-3 часа.

Затем взбить вместе яйца и 1,5 стакана сахара. Изюм промыть, обсушить бумажным полотенцем и обвалять в оставшемся сахаре. Взять миску с подошедшей опарой и, перемешивая, понемногу добавлять только что приготовленную яичную смесь. Муку, просеивая через сито, постепенно, небольшими порциями добавлять в миску, каждый раз вымешивая, до получения достаточно крутого, но при этом пластичного теста. Добавить в тесто изюм, перемешать. В последнюю очередь ввести размягченное сливочное масло. Очень хорошо, с силой вымесить тесто руками.

Разложить тесто по формам, заполняя их на 1/3. Накрывать формы полотенцем и поставить в тепло, чтобы тесто подошло (на это может уйти от 4 до 8 часов, в зависимости от качества муки, дрожжей, масла и прочих ингредиентов).

Испечь куличи в духовке, разогретой до температуры 180°C.

Готовые куличи остудить на решетке и украсить.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в мае
(по новому и старому стилю)

Антипасха
(18 апреля/1 мая)

Радоница
(20 апреля/3 мая)

Во вторник второй недели по Пасхе, которая называется Фоминой неделей, Православная Церковь отмечает Радоницу.

Радоница — первое поминовение усопших после Светлой Пасхальной седмицы. Чаще всего совершается во вторник (если нет праздника) на Фоминой седмице. По свидетельству святителя Иоанна Златоуста (IV в.), этот праздник отмечался на христианских кладбищах уже в древности.

Этимологически слово «радоница» восходит к словам «род» и «радость», причем особое место Радоницы в годичном круге церковных праздников — сразу после Светлой пасхальной недели — как бы обязывает христиан не углубляться в переживания по поводу смерти близких, а, наоборот, радоваться их рождению в другую жизнь — жизнь вечную. Победа над смертью, одержанная смертью и воскресением Христа, вытесняет печаль о временной разлуке с родными, и поэтому мы, по слову митрополита Антония (Сурожского), «с верой, надеждой и пасхальной уверенностью стоим у гроба усопших».

Святитель Афанасий (Сахаров) пишет: «Радоница обязана своим происхождением установлению предписанию, по которому в Великом Посте поминовение усопших по случаю нарочитых поминальных дней (3-го, 9-го и 40-го), не могущее быть совершено в свое время по случаю великопостной службы, переносится на один из ближайших будничных дней, в который может быть совершена не только панихида, но и полная литургия. В течение Великого Поста такими днями являются только субботы, да и то не все. За последние седмицы Поста и седмицу Пасхи всегда скопится немало таких памятей об усопших, которые надо будет справлять в первый будничный день, когда может быть полная литургия. Таковым и является вторник Фоминой седмицы, так как накануне понедельника после вечерни нельзя еще совершать панихиду, как должно быть при поминовении...» (О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви).

На Радоницу совершается поминальная трапеза и часть приготовленного отдается нищей братии на помин души. Это реальное, живое, бытовое общение с усопшими отражает веру в то, что они и после смерти не перестают быть членами Церкви Того Бога, Который «не есть Бог мертвых, но живых» (Мф 22, 32).

Нужно помнить, что традиция оставлять еду, пасхальные яйца на могилах — это язычество. Душам наших усопших близких нужна молитва.

Распространившийся же в настоящий день Пасхи противоречит древнейшим установлениям Церкви: вплоть до девятого дня после Пасхи поминовение усопших никогда не совершается. Если человек умирает на Пасху, то его хоронят по особому пасхальному чину. Пасха — время особой и исключительной радости, праздник победы над смертью и над всякой скорбью и печалью. Воскресение Христово знаменует победу над смертью и прообразует всеобщее воскресение. Поэтому когда мы в Пасху едем на кладбище, мы обнаруживаем не только духовную нечуждость, но и полное непонимание смысла спасительного христианского учения.

У ГРОБА ВОСКРЕСШЕГО ГОСПОДА

Солнце пыло из-за утренней зари,
Мироносицы ко гробу тихо шли.
Скорь овеяла их облаком седым:
Кто у входа камень тяжкий сдвинет им?

Ароматы держат в трепетных руках.
Выплывает солнце в медленных лучах,
Озаряет солнце темный, низкий вход.
Камня нет. Отвален камень. Ангел ждет,

Ангел белый над гробницей Божьей встал,
Мироносицам испуганным сказал:
— Не ищите Иисуса: Он воскрес,
Он на Небе и опять сойдет с Небес.

Тихий ужас, сладкий трепет и восторг
Вестник чуда из сердец всех жен исторг.
Лобызают ткани светлые пелен.
Солнце встало. В небе светлый, вечный звон...

С.Городецкий

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мухоморова

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 19.04.11. Выход по графику 27.04.11

Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.